

Страницы истории

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОММЕНТАРИЯХ ДЖОНА МЭРА К СЕНТЕНЦИЯМ ПЕТРА ЛОМБАРДСКОГО

(Малоизвестная статья В.Э. Грабаря. Сокращенный перевод с украинского*)

Работы В.Э. Грабаря хорошо знакомы многим поколениям российских и украинских юристов-международников. Интерес к его трудам не угас и поныне — в 1990 году его капитальный труд “Материалы к истории литературы международного права в России” издан в Англии в переводе, с предисловием и библиографией профессора В. Батлера.

В.Н. Дурденевский называл В.Э. Грабаря “связующим звеном между русской дореволюционной и советской наукой международного права”. Почти за 70 лет научной деятельности он создал свыше 135 работ. Некоторые из этих работ широко известны и доступны читателю, другие стали библиографической редкостью или безвозвратно утрачены в бурные годы уходящего века.

Статья, сокращенный перевод которой с украинского мы предлагаем вниманию читателей “Московского журнала международного права”, названа автором “Вопросы государственного и международного права в Комментариях Джона Мэра к Сентенциям Петра Ломбардского”. Работа была опубликована В.Э. Грабарем — академиком Украинской академии наук, в собрании статей “Записки Академії Наук України (Соціально-економічний відділ)”, тб. V–VI, 1927 рік). Смеем надеяться, что перевод статьи заинтересует российских и зарубежных читателей, изучающих историю международного права и его науки.

Джон Мэр (John Mair, или Maijor) — шотландский богослов и историк конца XV и первой половины XVI века, привлек внимание В.Э. Грабаря, по-видимому, в связи с подготовкой им докторской диссертации “Наука международного права в Англии до Реформа-

*Перевод выполнен В.С. Семеновым и О.Я. Трагнюк.

ции". Исследование, предпринятое В.Э. Грабарем, дает представление об одном из предшественников отца международного права Гуго Гроция — наряду с Эразмом Роттердамским и его английскими современниками Джоном Колетом и Томасом Мором. В работе Мэра, относящейся к 1517 году, заключена, пишет Грабарь, "целая система понятий международного права". Мы даем сокращенный перевод только тех разделов статьи Грабаря, которые посвящены проблемам международного права.

В.С. Семенов, О.Я. Трагнюк

г. Харьков, декабрь 1997 г.

* * *

Среди вопросов международного права Мэра, как вообще всех богословов и канонистов тех времен, более других интересует право войны... Однако есть ряд вопросов мирного времени, которые попутно затронуты при изложении проблем государственного права. Это такие вопросы, как захват новых земель, совместное пользование морем, воздухом и водами и международные споры о престолонаследии.

В естественном, неиспорченном состоянии люди, по мнению Мэра, не знали собственности. Ввело собственность уже человеческое, а не божественное естественное право.

Раздел земель произошел тем же порядком. "Наверно, — говорит Мэр, — Ной разделил между своими сыновьями мир..." Ссылаясь и далее на Священное писание, Мэр продолжает: "Европу получили в свой пай сыновья Иафета". Они могли захватить Европу потому, что еще не было установлено никакой власти, "а то, что является ничьим владением, достается тому, кто там поселился".

Мэр допускает, что заинтересованные стороны могли завладеть незанятыми землями, согласившись об этом между собой: "Люди, живущие по соседству с любой землей, могли, по взаимному согласию, договориться друг с другом о разделе этой незанятой земли, как это сделали Авраам и Лот" (Бытие, XIII).

Для своего времени Мэр считал возможным такое завладение, когда обнаружится новая земля (новый остров). Вполне возможно, что указание на открытие нового острова — это далекий отголосок открытия Америки, которое как раз произошло, когда Мэр писал свои "Комментарии".

Как указывает В.Э. Грабарь, согласно естественному праву, Мэр различает вещи публичные, или государственные, и вещи общественные, принадлежащие корпорациям и обществам.

Первыми пользуются свободно все народы. Что же касается "текущей воды", то тут он допускает ограничение, которого нет у дру-

гих авторов. К словам “текущая вода” он прибавляет пояснение, т.е. “вода, которая падает с неба”: это исключает речную воду, а в те времена именно ее и обозначали этим термином.

Это позволило считать реки собственностью государства. К такому пониманию приводило обычно принятое у юристов различие реки в целом и текущей в ее русле воды. Это различие есть и у Г. Гроция (О праве войны и мира. — Т. 2. — § 12. — С. 208).

Право на престол было предметом частых споров в международно-правовых отношениях средневековья. Исходя из политической теории Дж. Мэра, споры эти легко решаемы. Правильнее сказать, у них не было никаких правовых оснований, ибо преимущество в решении этого вопроса принадлежало народу, который поручал престол тому, кому желал, несмотря ни на какие претензии наследников.

Среди вопросов международного права, не связанных с правом войны, Мэр более детально рассматривал только вопрос о репрессалиях. По мнению Мэра, как и других средневековых писателей, репрессалии составляли часть права войны. Тогдашние теоретики считали репрессалии частичной войной, а саму войну — общими репрессалиями. Отголосок этой точки зрения сохранился и у Гуго Гроция.

Мэр приводит следующий пример применения репрессалий из истории франко-испанских отношений.

Некий испанец в океане захватил нагруженное различными товарами судно, принадлежащее гражданину города Дьена. По сему поводу направлена жалоба испанской королеве, однако мер для восстановления справедливости предпринято не было. Дьенский купец после того, когда прояснилось отсутствие реакции на его жалобу испанских властей, получает от короля Франции патент, дающий ему право отобрать у первого встречного испанца имущество, равноценное захваченному. Если же он под этим предлогом отбирает у испанца больше, чем у него отобрано, он должен честно вернуть излишек. Репрессалии не должны распространяться на испанцев, которые проживают за пределами Испании.

В.Э. Грабарь по этому поводу замечает: “Последнее замечание Мэра — это только доброе пожелание; оно несколько не соответствует тогдашней международно-правовой практике, которая допускала применение репрессалий и на море, и даже в той стране, где выдан патент на применение репрессалий”.

Центральное место среди проблем, интересовавших Мэра, занимали вопросы права войны. Вопрос сформулирован так: “Разрешено ли убивать и грабить на войне?” Разрешая этот вопрос, Мэр воспользовался возможностью исследовать природу войны, а затем и право войны. “Война — это враждебное несогласие, которое влечет воору-

женное выступление и охватывает все время, в течение которого люди находятся в походе”.

Завоевательные войны Мэр полностью осуждает. Не похвалы, а упрека заслуживает тот, кто противоправно захватывает чужие государства и разрушает их. Это безумцы, убийцы, звери лютые. А между тем безмозглый род людской славит их. “Это же смешно — хвалить Александра Македонского за то, что он покорил мир. Хорошо ответил Александру пират Диомед: я — грабитель, а ты самый заядлый разбойник”.

Те же мысли высказывает Мэр и относительно Юлия Цезаря, которого Туллий считал тираном, и, не без оснований, о большинстве иных полководцев, которых толпа хвалит сверх всякой меры.

Наибольшей ценностью для Мэра является мир. Только для его восстановления можно воевать. Мэр считал, что война против нашей воли, то есть чисто оборонительная, допустима. Такую войну оправдывает право естественное и божественное. Кто первым нападает, совершает более тяжкое преступление.

Рассматривая право войны, Мэр делит все войны на правомерные (справедливые) и неправомерные (несправедливые), причем определяет правомерную войну таким образом: “Это война, которую развязала законная власть на справедливом основании, имея правдивые намерения, и ведет ее с надлежащей осмотрительностью”. Мэр считает, что необходимо соблюсти четыре условия-требования, чтобы война могла считаться правомерной.

Первое требование правомерной войны, по мнению Мэра, касается положения лица, объявившего войну. Частному лицу дозволено обороняться, но... объявлять войну оно не может, ибо это нарушило бы спокойствие всего государства. Только король, которому принадлежит власть, может объявить войну. Феодалы, частные войны, которые серьезно нарушают спокойствие государства, признаются недопустимыми, а король, как законный распорядитель суверенных прав в границах своего королевства и в этих пределах сравниваемый с императором, может, на равных с императором правах, объявлять войну.

Духовные лица, по мнению Мэра, не должны принимать участие в военных действиях; солдатами могут быть только светские лица.

Второе требование войны правомерной — справедливая причина войны.

Мэр приводит двенадцать законных, по его мнению, причин войны. Каждую из причин он иллюстрирует примерами из Ветхого и Нового Завета.

1. Божественное указание — в случае оскорбления божества поклонением идолам: “Истребите места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим... разбейте истуканы богов их... и истребите имя их от места того” (Второзаконие XII, 1 и 3).

2. Богоотступничество: и если “появились нечестивые люди... и соблазнили жителей в городах их говоря: “Пойдем и будем служить богам иным”...порази жителей того города острием меча, предай заклятию его и все, что в нем, и скот его порази острием меча” (Второзаконие XIII, 13, 15).

3. Отделение царя данника, отказ от верности (Четвертая Книга Царств, III).

4. Восстание подданных (Вторая Книга Царств, XX).

5. Отказ от выдачи лиц, совершивших преступление (Книга Судей, XX).

6. Оскорбление царя. Царь аммонитян принял послов царя Давида за лазутчиков и обесчестил их (сбрил бороды и укоротил платье). Давид пошел войной на аммонитян (Вторая Книга Царств, X).

7. Требование возвратить отобранную силой вещь (Вторая Книга Царств, III).

8. Отражение вражеского нападения.

9. Отказ предоставить право прохода войску (Книга Чисел, XXI, 21–23).

10. Помощь врагу (Вторая Книга Царств, VIII, 5–6).

11. Помощь союзнику против его права (Книга Бытия, XIV, 14–22).

12. Тиранство властелина.

Третьим требованием справедливой войны является соответствующее намерение (*intentio recta*) того, кто воюет. Войну необходимо вести с целью достижения мира и принуждения всякого уважать мир.

“Войну начинать не из-за ненависти, гнева или бахвальства, а для того, чтобы научить врага жить в будущем мирно и чтобы он знал, что всегда найдется такой, кто накажет его за кривду”.

Четвертое требование для правомерной войны состоит в том, как война ведется. Воевать следует надлежащей умеренностью. Запрещается на войне убивать и брать в плен детей, бесчестить женщин, насиловать девушек, обижать тех, кто посвятил себя служению Богу и заведомо безвинных, осквернять святыни.

Далее Мэр рассматривает ряд отдельных случаев, которые касаются употребления на войне тех или иных способов причинить ущерб неприятелю, определяя их как исключения из общих норм права войны.

Священники, монахи и храмы неприкосновенны, но “если священники или монахи берутся за оружие или если на колокольне храма организована оборона, в таком случае разрешается все уничтожить”. Также не считается преступлением неумышленное уничтожение храма. “Когда подожжен город или село и из-за ветра вместе с иными строениями неумышленно уничтожается церковь — это не

ставится в вину поджигателям, если все содеянное неприятелем не заслуживает кары”.

Не следует убивать и тех, кто сдается в плен по доброй воле, если, однако, не лютые палачи, которые заслужили наказание.

К способам ведения войны Мэр относит и военные хитрости. В частности, он отмечает правомерность организации засад, подкрепляя свои доводы применением этой военной хитрости Иисусом Навином при взятии города Гая (Книга Иисуса Навина, гл. VIII). Допустимы также, пишет Мэр, такие хитрости, как право человека умолчать истину, о которой он не обязан уведомлять. Он, однако, обязан исполнить обещание, данное даже неприятелю.

Перечислив четыре главных требования, определяющих правомерные войны, и раскрыв их содержание, Мэр выясняет те последствия, которые связаны с правомерной войной, в отличие от войны неправомерной. Средневековая доктрина международного права стояла на том, что правомерность или неправомерность войны должна отражаться на последствиях, не одинаковых в том и другом случае.

Первым последствием войны правомерной Мэр считал участие в справедливой войне делом дозволенным и достойным.

Противоположно тому, что говорил Мэр об Александре Македонском и Юлии Цезаре, которые вели войны захватнические, он благосклонно вспоминает войны Иисуса Навина, Давида, Макавеев, Карла Великого и Готфрида Бульонского с братьями. С точки зрения Мэра, они вели правомерные, справедливые войны. Мэр восхваляет Фердинанда — короля Испании, который в напряженной войне изгнал мусульман из Гренады. Фердинанд воевал с неверными, и уже поэтому его войны не были захватческими. Мэр перечисляет возражения, которые обычно приводят, чтобы доказать, будто христианам вести войну вообще запрещено (веление Христа апостолу Петру вложить меч в ножны, совет Христа подставить правую щеку тому, кто ударил по левой), и отвечает, что ни Христос, ни апостолы этих предписаний не исполняли буквально; это не что иное, как предписание внутреннего духовного терпения.

В защиту войны правомерной Мэр приводит слова Катона: “Сражайся за отчизну”. Если бы нельзя было вести правомерной войны, защищая невиновных, то справедливость, высшая из добродетелей, не могла бы осуществиться; но ее можно реализовать во время войны, когда выявится славная добродетель — отвага, соединенная с военной предусмотрительностью мнения о том, правомерна или неправомерна данная война, должна отражаться на ее последствиях.

Первое последствие: принимать участие в правомерной войне разрешается и считается заслугой.

Оправдывая войну правомерную, отзываясь с похвалой о ее участниках, Мэр не забывает о завоевательных войнах, осуждая их.

Второе последствие: состоит в том, что тот, кто во время правомерной войны захватил чужое имущество, не обязан его возвращать, если только захватил он его в количестве, соответствующем вине собственника.

Мэр ставит здесь вопрос о правовом положении захваченной во время войны собственности, то есть о военной добыче. Право на добычу дает только правомерная война; все захваченное в войне неправомерной надлежит возвратить собственнику.

Вопрос дележа добычи, захваченной на войне, разрешается на основании обычного права, и Мэр не считает целесообразным оставаться на таких чисто человеческих законах.

Враг, захваченный в правомерной войне, становится собственностью того, кто его взял, то есть становится рабом. Рабство на основании военного плена устанавливает право народов (*jus gentium*).

Третье последствие, которое следует из разделения войн на правомерные и неправомерные, состоит в том, что царь и вельможи грешат, когда ведут неправомерную войну и принимают в ней участие, когда известно, что она является неправомерной. Мэр не считал необходимым обосновывать этот вывод, считая его очевидным.

Четвертое последствие касается ответственности обычных подданных царя, который воюет, а также подданных нейтральных государств. "Подданные царя в случае сомнения в правомерности войны свободны от греха, лица, которые не являются подданными и принимают участие в войне, в этом случае грешат", — пишет Мэр.

Если подчиненный точно знает, что война неправомерна, он не обязан повиноваться, так как подчиняться нужно Богу, а не людям.

Если подданные, которые обязаны подчиняться приказам государственной власти, могут в сомнительных случаях принимать участие в войне, то подданные нейтральных государств имеют право участвовать в войне лишь тогда, когда правомерность войны не вызывает никаких сомнений.

Пятое последствие, которое вытекает из раздела "Война правомерная и неправомерная", относится к имуществу, захваченному в ходе отчасти неправомерной войны, поскольку ее ведут, не соблюдая некоторых требований, например, без надлежащего намерения (*intentione inordinata*). Однако полностью ее нельзя назвать неправомерной, поскольку ведут ее по приказу законной власти и на законном основании. "Хотя лицо, захватившее на войне неправомерной по другим основаниям чужую вещь, действует неправильно и согрешает, захватывая ее, однако это лицо не обязано возвращать эту вещь", — пишет Мэр.

Война, которую ведут, соблюдая только два основных требования, предъявляемых к правомерным войнам, приравнивается к правомерной войне в отношении последствий, связанных с захватом чужой собственности.

Особое место в “Комментариях” Д. Мэра отведено вопросу об обращении христиан во время войн между ними за помощью к неверным. Этот вопрос был одним из наиболее важных в международном праве средних веков.

Мэр допускает обращение христиан, когда возникает необходимость, к неверным с просьбой о помощи и аргументирует этот тезис примерами из Библии и разумными размышлениями.

Грабарь отмечает, что Мэр, как и его известные современники Джон Колет и Томас Мор, был иренистом. Это связывает его и с последующими представителями данного течения Эмерином Крюсе и Гуго Гроцием.

Всякая война, по мнению Мэра, это зло. Во время войны убивают людей, насилуют женщин, дети страдают, богатые превращаются в нищих и т.п.

Поддерживать мир необходимо изо всех сил. “Мир — это цель правомерной войны. Без мира нет правды”.

Раньше, чем взяться за любую войну, нужно предложить противнику мирный путь решения спора.

Сохранение мира, как основы благополучия государства, должно быть главной заботой царей. “Поскольку виновника мира уважают только в мирное время, то для царей важно стремиться к миру и беспокоиться о благополучии подданных и на суше и на море”.

Сама возможность войны необходимо уничтожить в самом ее зародыше. “Необходимо принимать во внимание одно: приграничный властелин совершает большое преступление, когда он первым нарушает мир (*frangens foedera pacis*)”.

Будучи убежденным иренистом, Мэр, однако, не витает в облаках, как большинство из них, а остается реальным политиком. Что касается этого, характерным является его остроумное замечание тем, кто считал недопустимым убивать, защищая свое имущество: потому хочу, чтобы он заслужил вечную жизнь, куда я его и отошлю, если он не оставит меня и мое имущество в покое. Но я не хочу, чтобы мои вещи стали достойными вечной жизни, ибо для этого они не приспособлены”.